

Андрей Голубь

Перфоманс

16+

Андрей Александрович Голубь

Перформанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63571303

SelfPub; 2020

Аннотация

Короткий рассказ о состоянии регионального искусства в отдалённых уголках России.

Андрей Голубь

Перфоманс

Перфоманс

– Стой где стоишь и даже не дыши в его сторону, рта не раскрывай и держи глаза широко раскрытыми, чтобы не дай Бог не упустить момент наивысшей точки демонстрации и раскрытия его таланта, – шепчет критик, а сам удаляется на безопасное расстояние, прикрывая уши вязаной шапочкой. В своей последней колонке он назвал игру этого актера «шоковой терапией» и, к сожалению, оказался прав в своём сравнении, потому что артист исподтишка подкрался к зрителям сзади в практически крошечной темноте и взялся истошно вопить.

Доведённые до предынфарктного состояния старушки недобрым словом помянули промоутера, который всучил им бесплатные проходки, отоварили актера парой пощёчин и быстро посеменили на выход. Талант вернулся на сцену и орал им в след никак не менее минуты. Потом резко замолк, как бы смиряясь с потерей аудитории, зашёлся женским криком и со всего маху рухнул на пол без чувств. На его место пришёл новый, не такой, но похожий, траурно-чёрный с бледным лицом. Вдохнул глубоко, посмотрел на бездыханное тело, встал перед ним на одно колено и болезненно скорчился. Орать будет? Ну, точно. Орет. Первый прополз на

спине несколько метров и соскользнул в секретный лючок вниз головой. Брезгливо вскрикнул где-то там под сценой, потом вроде выкарабкался, выпрямился во весь рост, отряхнул пыль и произнёс:

– На этом я хотел бы завершить наш открытый урок по актерскому мастерству. Вы можете поддержать наш театр любовью суммой, опустив ее в шляпу на выходе. Спасибо.

Включился свет. Из зала вышли оставшиеся зрители и критик в шапочке. Талант посмотрел в шляпу с колесом от телеги вместо полей и обреченно вздохнул. Двадцатку кинула уборщица Аля за пять минут тишины, полтинник выдал студент Валя Овсянников, второй крикун, но он такой человек всегда занимает без задней мысли, не пьёт разве что, а так святой практически. Двадцатка от критика, пятерка от зрителя. Со всеми его деньгами наберется сотня – сотая часть от алиментов для каждой из трёх бывших жён, тысячная – от кредита для каждого из трёх банков или бутылка портвейна – чёрного, тягучего, мерзкого, похмельного и паленого – один к одному, копейка к копейке. Решил, что долги нужно гасить наибольшие в первую очередь. Ссыпал деньги в карман, натянул шляпу на голову и пошёл в ларёк за портвейном, то есть гасить долг перед совестью за очередной театральный провал – открытый урок по визуализации «Крика» Мунка. Шляпа застряла в дверях.

Шум разбудил человека. На заднем ряду театрального зала лежал поэт Сантини, известный всем лицам, входящим в те-

атральную жизнь, как Витька-Санька. Поэт он был неплохой, жил, как подобает неплохому поэту скудно, подряжался раз в неделю в театре на подсобные работы, ночевал в ложе на втором этаже и один день, чаще всего субботу, тратил на беспробудное, остервенелое пьянство. Проснулся Витька-Санька и практически интуитивно понял, прямо нутром почувствовал, что настала суббота. Не зря он вечером косяки на входе погнул, чтобы Таланта задержать. Человек творческий – человек практичный, наперёд думает, не задним умом силен.

Ситуация ему понятная, подумаешь шляпа в дверях застряла, поэт в разных передрыгах побывал, жизнь видел со всех сторон, и не такое и не там застревало. Сам он, например, застрял в круговерти непостоянных заработков – Витька-Санька мастерски рифмовал солдатскую матершину с классическими произведениями, за что справедливо получал свою сотню в переходе у театра. Точным ударом кулака поэт освободил Таланта и переломил колесо пополам. Ругаться не стали, вынул из кармана заработанную с утра в переходе сотню и передал ее распластанному на полу страдальцу. Реквизит спрятали за портьерой, в ходе сокрытия улики родили идею близкую в своей гениальности к лучшим умам столетия – пропить деньги на студии у художника. Поддержать живопись стаканом – дело благородное.

Студия – изба через дорогу – идти без малого три мину-

ты, но добирались час с лишним. Дверь распахнута, болтается на ветру в разные стороны, не обокрал бы кто, да вот только наш художник был настоящий, а значит, воров не боялся, потому что сам был вор по натуре. Все что можно было украсть, он уже сам у себя украл, а то, что осталось и бесплатно не заберут, придется доплачивать.

Поэт первым делом пошёл в туалет за занавеску в сенях смывать кровь с кулаков, а Талант вполз в студию слепой на оба глаза, прижимая стеклянные бутылки к зачинающимся синякам под глазами. Выбивали они по дороге долг из официанта ресторана «Куручка Ряба». Паскудец бессовестный в пылу спора ногой разбил одну бутылку, за что его и били дольше, чем требовалось, глотка никто сделать не успел, все в землю ушло, кануло, посчитай. Забрали кассу, а там набралось без малого на две бутылки, так что вышли в плюс и всего принесли три. Поэт привязал входную дверь к косяку шнурком чтобы не дуло с улицы и прошёл в студию – художник стоял на коленях в центре комнаты и молился стакану.

– Наполни его, о какой-нибудь Бог! Яви мне силу свою!

Актёр явил художнику 250, тот взял стакан зубами и выпил залпом, не проронив ни капли, после этого он встал на ноги и даже вроде как пришёл на секундочку в себя. Включите, говорит, радио, я вас прошу. Включили. Шипит конечно, но что-то слышно. Послушали кусок аудиоспектакля, прежде чем звук потерялся в помехах. Вы, конечно, подумаете, что за глупость такая – радио, в интернете же можно

все посмотреть, но я вам так скажу – попробуйте продать радиостанцию которую намертво еще в конце 70-х приварили советским антивандальным плафоном к радиоточке, просто попробуйте. Телефоны с доступом к интернету покупают намного охотнее.

Художник достал из пепельницы окурок, распрямил его пальцами, поджег от спички, затянулся и швырнул в гостей пачку бумаг. Поэт наступил ногой на один из листков – рисунок железнодорожного вокзала, неплохой в принципе, уйдёт за полтинник в магазине сувениров. Прибрал потихому.

Динамик радиоточки перестал шипеть, заговорила девушка, практически замурлыкала, все прислушались. Художник так вообще присел на табурет и голову опустил, ну точно статуя мыслителя с пивным животом в леопардовом халате.

«Уличный художник из Англии провёл акцию, перевернувшую мир уличного искусства. Челси назвал своё выступление «Час расплаты». Сообщается, что художник украсил стены железнодорожного вокзала рисунками циферблатов в рамах и расставил перед ними зрителей. Ровно в полдень в оцепленном здании вокзала взорвалась бомба. В ходе акции погибло двенадцать человек. Английские искусствоведы сообщают, что за одну картину – часть стены, где сохранился циферблат с вонзившимися в него осколками, известный коллекционер уже предложил рекордную для современного искусства сумму – один миллиард долларов. Акция вы-

звала ряд протестов в арабских странах, все казнённые художником люди оказались приговорёнными к смерти террористами, которые добровольно согласились на эту оригинальную казнь».

Дама смолкла, радио зашипело, а потом и вовсе задымилось. Напряжением повисшим в комнате можно было электрифицировать город средней степени наполненности.

«Сейчас кинется», – с сожалением подумал поэт. Мысль материализовалась как это обычно и случается, когда дело доходит до драки. Художник кошкой метнулся по стене, снес лампу, аккуратно обошёл бутылки по широкой траектории и снова набрал скорость. Кулак его, нежный как кошачья лапка, вскользь коснулся подбородка поэта и прошёл мимо. Поэт, как и подобает человеку уличной закалки, прошедшему сотни пьяных разборок, выждал долю секунды, пока соперник займет необходимое положение, и одним ударом пальца в солнечное сплетение отправил его в нокдаун. Хотел ещё добавить фирменный щелчок каблуком по лбу, из-за которого среди городских хулиганов преобладают личности с рисунком подковы под длинной челочкой, но не стал. Друг все-таки. Вместо этого подал руку. Художник оцарапал кулак о щетину Витьки-Саньки и сейчас был беспомощнее котенка. Встав на ноги, он прижал конечность к груди так, будто стесал и никак не меньше половины ладони. А лицо, какое сделал, актёр обзавидовался – вот это форма, вот это мимика – как-будто присел в парке за кустом со слабым кишечни-

ком, опустил голову вниз и заметил край пледа под ногами. И закричали дети пронзительным воплем прямо за спиной, не далее чем в метре и ботинок главы семейства свистит в воздухе, а срамные полушария уже уловили легкий ветерок грядущего удара. И летит человек из кустов голозадым снарядом и думает «стыд то какой», а выражение лица ну точно как вот сейчас у художника, на нем все сразу – и разрушенные планы и далеко идущие последствия. Физиономия точно тянет на грант, не меньше губернаторского, за вклад в культуру или ещё куда-нибудь, куда можно как следует вложиться.

Кстати, о грантах. В снях появился, но пока не вошёл в студию чиновник от профильного министерства, небольшого роста человечек, настолько погрязший в откатах, что глаза у него приобрели форму юбилейных десятков. Разуваться чиновник не спешит, оценивает ситуацию, сжимая в руках папочку и глядя на все происходящее сквозь призрачное изображение двуглавого орла.

– Мое – зашипел художник, – я этот проект создал. Он тыкнул пальцем, тонким как ивовый прутик, в карман поэта, – я же его реализовывал! Реализовывал, понимаете! Там на обороте моей рукой написано «Час расплаты» и изображён вокзал!

– Но, но, хватит тоже, – успокоил приятеля поэт, хлопнув художника по спине, так, что из его леопардового халата едва не просыпались пятна.

– По своему конечно, не с таким размахом! А обо мне ни слова нигде, в газетах ни буквы, в интернете ни строчки! Тишина! А ему миллиард! Миллиард! Это я художник, а он убийца! Злодей, мерзавец! Негодяй! Да про меня только на местной страничке написали и то только то, что я придурок. А знаете, кто написал? Сам я и написал!

Художник сгоряча схватил со стола бутылку, замахнулся, но передумал и аккуратно поставил ее на стол. Его затылок до сих пор не выпрямился после случайно опрокинутого стакана, тогда поэт из другой комнаты услышал приземлившуюся на ковёр каплю и наказал его подзатыльником, но считай, что просто погладил, предупредил даже.

– Павел, ну успокойтесь, с кем не бывает, – прошептал Талант. Он, кстати, в этой истории вряд ли хоть слово проронит ещё, если только строчку в конце, все-таки охрип на сцене, чего человека попусту беспокоить, но пьёт он за троих, так что выпьет за всех и ваше здоровье тоже, уж будьте уверены.

– Этого убийцу они как Бога превозносят, дискуссии на миллионы комментариев, а я что?

– А вы вот что, – подал голос чиновник и вошёл в комнату, потрясая в воздухе каким-то неприятно серьезным документом покрытым сплошным рядом синих печатей, – нам поступила жалоба на вас от директора железнодорожного вокзала. Он пишет, что какой-то безумец, одетый в леопардовый халат на голое тело, справил большую нужду прямо в фонтан.

– Откат Мольбертович, ну вы же понимаете, что это пер-

фоманс, художественное представление, которое призвано шокировать публику, вывести ее из зоны комфорта...

– Азат Альбертович, попрошу! – сердито произнёс чиновник, – четвёртый раз за неделю Паш, четырнадцатый за месяц, сорок третий за год!

– Сорок четвёртый, – поправил его художник.

– Сорок четвёртый раз, Паша! Как сорок четвёртый, а где еще?

Художник бегло пробежался глазами по списку в документе.

– В городском парке.

– Так, ладно, там понятное дело не считается, сам знаешь какой у нас парк. Но Паша, сорок три раза! Трамвай, автобус, остановка, колледж, школа, детский сад, общественный бассейн, магазин, отделение банка, кафе, клуб, бар, Дума Паша! Дума! Тебя забрали в полицию и что ты там сделал в участке? А?

– Да я хоть людей не убиваю, как вот этот! – дрожащим голосом парировал художник, указывая ладонью на дымящий приёмник.

– Да лучше б ты людей убивал! Челси вон прославил свой город на весь мир, туда турист косяками прет, а у нас что? Насрано, простите. В общем, все, Паш, клин клином, я другого выхода не вижу. Заходим, ребята.

За спиной чиновника появились чёрные тени в леопардо-

вых халатах, в которых без труда узнавались все кого так или иначе коснулся «Час расплаты» – и побитый несколько часов назад официант, и начальник банка – громоздкий бандит из 90-х, и весь коллектив железнодорожного вокзала во главе с директором, и водитель автобуса и прочие, прочие, прочие. Кто-то взял с верстака набросок и растер его в руках на манер газеты. Не сговариваясь поэт и Талант начали расстегивать ремни на брюках.

– И ты Сантини?

– В переходе, на мою везучую картонку.

– И ты, Талант?

– На сцене, Паш, в секретный люк.

Чиновник вышел из избы и пригласил внутрь критика в вязаной шапочке. Вряд-ли кто-то заплатит миллиард за этот перформанс, но Челси ведь тоже когда-то с чего-то начинал.